

Заметим, что в странах Латинской Америки языковые проявления вежливости представлены еще в большей степени, чем в Испании.

Думается, что основой обучения испанскому речевому этикету межкультурного общения должны стать следующие положения:

1. Преподавание проводится, в первую очередь, на материалах *современной разговорной диалогической речи пиренейского национального варианта испанского языка* (являющейся, по меткому выражению акад. Г.В. Степанова, “исторической точкой отсчета”).

2. Обучение употреблению ФРЭ следует вести в *аспекте межкультурной коммуникации*, поскольку реализация ФРЭ отражает стереотипы миропонимания того или иного народа.

3. Начинать привитие навыков использования ФРЭ следует исходя из принципа *тематической организации* материала.

4. Процесс преподавания данных единиц базируется на *ситуативном* принципе обучения, т.е. учебные диалогические тексты, включающие ФРЭ, должны соответствовать конкретным ситуациям общения.

5. Очень важен учет реализаций ФРЭ в зависимости от *различных функциональных сфер коммуникации, тональности общения, социальных ролей коммуникантов*.

6. Следует постоянно проводить *сравнение* в употреблении ФРЭ в родном языке и в языке, который изучается, а также *анализировать различия*, привлекая *культурологическую информацию*.

П.И. Копанев

Минский государственный
лингвистический университет

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВУЗАХ НЕЯЗЫКОВОГО ПРОФИЛЯ

В настоящее время в вузах неязыкового профиля обучение иностранным языкам все больше смыкается с материалами будущей специальности студентов, а в Белорусском государственном экономическом университете для абитуриентов даже предусмотрены вступительные экзамены по иностранному языку.

1. В ходе общественной практики народов логико-понятийная функция языков развивается в течение долгого исто-

рического времени, становясь продуктом и орудием словесно-понятийного мышления, которое во всех своих истинных результатах есть копия, образ действительности, также в целом одинаковой для всех людей на земле. При помощи этой функции языки сближают разные нации и народности, вносят значительный вклад в создание всеземной цивилизации, тем самым все больше накапливая и развивая свои общие логико-понятийные составы и общие части в социально-экономической, политической, национально-этнической, религиозной и других сферах бытия и сознания. При этом их означаемые все больше и больше обретают интернациональный характер. Специфически национальными остаются в них лишь количество и качество означающих и характер их взаимодействия с означаемыми.

В каждом национальном языке (разумеется, в разной степени) уже давно образовался некий дисциплинированный, бесцветный “язык”, который мы ругаем, но который отлично обслуживает международное общение как внутри страны, так и за ее пределами. Благодаря ему в них (языках) план содержания превалирует над планом выражения, и настолько, что в лингвистике всерьез заговорили о возможности создания семантического письма, общепонятного для всех народов. Таковую запись какого-либо текста русский читает по-русски и понимает его адекватно, также и немец понимает этот текст адекватно, читая его по-немецки, француз — по-французски и т.д. по примеру иероглифического письма, понятного всем китайцам во всех трех частях КНР. Однако они совсем не понимают друг друга, когда каждый из них говорит на своем диалекте. Японцы при той же иероглифике (которую они заимствовали у китайцев) на 80% понимают китайские газеты. На некоем том же свойстве иероглифики основаны многие попытки воплотить идею создания всеобщего, а затем и единственного языка будущего человечества. Не по этому ли пути пойдет и компьютерная лингвистика?

2. Язык научно-технической литературы и документации обращен прежде всего к интеллекту, который оперирует понятиями, суждениями на уровне зональных литератур, а затем и на самом высшем уровне — на уровне мировой, или всемирной, литературы. Это достигается не только благодаря компаративистике (отечественному и зарубежному литературоведению), но и в конечном итоге благодаря художественному переводу. Ибо удачные переводы становятся фактом каждой данной национальной литературы: они входят в ее состав как ее собственные произведения.

Национальные литературы — различные аспекты художественного познания с их неповторимыми национальными гениями, которые, однако, “повторяются” благодаря ~~пере-~~

водчикам, теоретически и практически осваивающим национально-художественную разносистемность данных литератур и лингвостилистическую разносистемность их языков. Как бы поднимаясь над ними, переводчики глубоко постигают названные особенности тех и других и устанавливают вместе с тем общую картину развития зональных культур, а также наивысшие достижения мировой литературы. Они должны читать великие произведения своей и зарубежной литератур, чтобы слышать и усваивать голос словесного искусства как у себя на родине, так и за ее пределами, чтобы суметь дотянуть свой перевод до уровня подлинника.

3. Национальный язык (язык как таковой и его частные проявления) для одних — иностранный, а для других — родной. Эта дихотомия является одной из важнейших дивергенций, с которой сталкивается переводчик и которую методике обучения иностранным языкам пора бы взять на вооружение, тем более что теория и методика этой дихотомии давно разрабатываются нами.

С философско-лингвистической точки зрения различаются две формы существования конкретных языков — внешняя, лучше всего обнаруживаемая в виде иностранного языка, и внутренняя, лучше всего обнаруживаемая в виде родного языка. Национальный язык как иностранный осваивается в процессе специального и целенаправленного обучения в течение определенного времени и для определенных целей. Для изучающих оказываются вполне доступными звуковой состав, грамматический строй, рассудочно-логический пласт, или понятийный состав, языка и т.д., например, общие части, развивающиеся благодаря контактам языков, культур, цивилизаций (всякого рода исторические, социально-этнические, ареальные, культурные и другие общности). Мы не достигаем полного отождествления его лексической и грамматической семантики с миром действительности, не осваиваем синтаксической стилистики. Все равно с различной степенью всегда будет “выпирать” из текста чужеземность, наша речь часто звучит неестественно в восприятии носителей этого языка. Мы хорошо овладеваем семантикой знаменательных слов, а в них — отлично семантикой корня и хуже значениями префиксов и суффиксов, но очень плохо семантикой и употреблением служебных слов, поскольку те и другие оказываются весьма синсемантическими. Семантику первых мы нередко делаем основной для осмысления вторых, т.е. при этом нами игнорируются специальные значения и созначения вторых. При восприятии иноязычных текстов яркий мир чувств, представлений, ассоциаций и т.д. мы обычно подменяем миром понятий (иногда и миром чувств,

ассоциаций, но часто не тех, которые присущи в этом случае носителям языка).

Мы овладеваем и хорошо владеем лишь рассудочно-логическим пластом, или понятийным составом, языка, в нашем использовании иностранный язык очень приближен к искусственным семиотическим системам. Как и в них, в нем отсутствует творческое начало, да вряд ли на нем вообще возможно для нас столь же продуктивное мышление, как на родном. Внутренняя форма существует только в виде родного языка (плюс естественный билингвизм). Сюда входит все, что относится к внешней форме, и сверх того — этимология и мотивированность слова и грамматической конструкции, т.е. проявление закона избирательности в процессе создания отдельных слов, грамматических форм и выбора способов выражения в каждом языке, ассоциативный и эмоционально-эстетический составы языка и др. Сюда же относятся так называемые необщие части языков, сохраняющие свою специфику, несмотря на все усиливающиеся межъязыковые контакты. В этом случае любой конкретный язык выступает как продукт и орудие образно-художественного мышления, благодаря которому в языке развивается эмоционально-эстетическая функция — неповторимая “народная физиономия языка” — языковое мышление, различное для разных народов.

Всей своей семантической системой родной язык органично связан с образами первосигнальной системы, но настолько копирует жизнь, что человек перестает отличать предмет от названия, пласт действительности от ее лексико-грамматического и интонационного выражения в языке. Эта иллюзия приводит нас к отождествлению лексико-грамматического и интонационного выражения мысли с самой мыслью, а языка в целом с миром действительности в такой степени, что связь содержания и языка, зависимость первого от второго кажутся огромными. На родном языке можно не только сообщать о действительности, но и репрезентовать ее “весомо, грубо, зримо”. В художественных текстах речь идет об эмоционально-эстетической информации, которая целиком зависит от того, как и на каком языке она воплощена. Здесь план выражения становится особым рода содержанием. При этом звук “благодаря проникновению в него языкового сознания наделяется постоянной символизирующей функцией и превращается в истинное и даже, по-видимому, самостоятельное творческое начало языка” (Humboldt, 1969). Разные народы оказываются чрезвычайно отделенными друг от друга своими родными языками. Художественный перевод (и как процесс, и как результат) есть переход от одного родного языка (от внутренней формы одного языка) к другому родному языку (к внутренней форме другого языка), с определенными поте-

рями, а также и обретениями на этом пути, связанными с национально-художественной разносистемностью литератур и лингвостилистической разносистемностью их языков.

Художественное познание и его частные аспекты: писательское “создающее” познание и читательское “потребительское”, “воссоздающее” — давно привлекают внимание исследователей. В своем творчестве писатель вынужден многое изучать и познавать: а) поднимая и подготавливая тот или иной жизненный материал для художественного изображения и б) осваивая “технология своего производства” — приемы художественной деятельности. И делает он это не так, как делал бы это ученый, а осваивает особым, писательским, образом. Ибо познание художника есть отбор и художественная переработка жизненного материала, эмоциональное осмысление для подачи и передачи этого смысла воспринимающему.

Свойствами искусства является способность коррелировать с читателем и выдавать ему именно ту информацию, в которой он нуждается и к восприятию которой подготовлен. Качество художественности зависит не только от таланта и мастерства художника, но и от степени развития “психического механизма” восприятия произведения как свойства сознания воспринимающего.

Читатель — наивысший арбитр, и таким он всегда воспринимался и воспринимается учеными и писателями, сколь бы высоко они ни стояли над ним, ибо в “работе” читателей над готовым произведением — “бесхитростное” наслаждение красотой, целесообразный и мудрый отбор эстетических ценностей.

4. Перед неязыковыми вузами встает задача поднять значение иностранных языков до уровня изучаемой специальности, включив их как равноценную часть в парадигму: науки социально-экономического цикла — специальные науки — иностранные языки. А это должно привести к кардинальным нововведениям: к вынесению иностранных языков на государственный экзамен, при написании курсовых и дипломных работ — к привлечению большого количества научной информации, почерпнутой студентами непосредственно из зарубежных журналов и другой специальной литературы, к написанию итога-резюме дипломной работы на изучаемом языке и т.д. Разумеется, за годы обучения студент обязан осуществить большое количество учебных письменных переводов статей и иных материалов по своей специальности. Отсюда 75% учебного времени должно отводиться формированию умений и навыков понимания и перевода текстов по специальности, а остальные 25% — умению вести беседу с зарубежными специалистами на ту или иную научную тему.

Конечно, то и другое будет возможно, если мы правильно уясним себе иностранный язык как объект изучения в неязыковом вузе. (См.: Копанев П.И. Обучение пониманию и переводу — главное звено преподавания иностранных языков в неязыковых вузах // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Вып. 2. Саранск, 1975. С. 173—179).

5. В заключение позволю себе обнародовать мое методическое требование к студентам: в овладении иностранным языком необходимо неукоснительно осуществлять органический синтез теоретических положений и парадигм (плюс языковые и речевые модели) — первые обильно воссоздаются вторыми. Назову и путь студентов к этому синтезу: виды работы над иностранным языком должны осуществляться посредством освоения и заучивания наизусть его закономерностей в виде а) определений и терминов и б) их конкретных парадигм (склонение, спряжение и др.) и моделей. Одним словом, студенты должны отказаться от манеры учиться не заучивая.

Iain K. Robinson
Escola d'Idiomes Moderns
University of Barcelona

ENGLISH FOR ACADEMIC PURPOSES (EAP): COURSE DESIGN FOR INTERNATIONAL EXCHANGE STUDENTS

Background

The Escola d'Idiomes Moderns (EIM) of the University of Barcelona has been involved with the European student-exchange programme ERASMUS since its initiation. In collaboration with the University's International Relations Office, the EIM has sought to provide students taking up ERASMUS scholarships with linguistic support. In the case of students going to universities in Italy, Sweden, Norway, Greece, Portugal and Holland this has meant the design of 40-hour "survival language" courses. Typically, these deal with basic communication skills, while syllabuses include dialogue practice based on a situational approach, e.g. opening a bank account, dealing with accommodation services, etc. In the case of students going to France, Germany and England exchange students can enroll on pre-departure courses, where the focus is more specifically on the use of the foreign language for academic purposes.

Here, I shall describe the courses offered for ERASMUS exchange students by the English Department of the EIM and